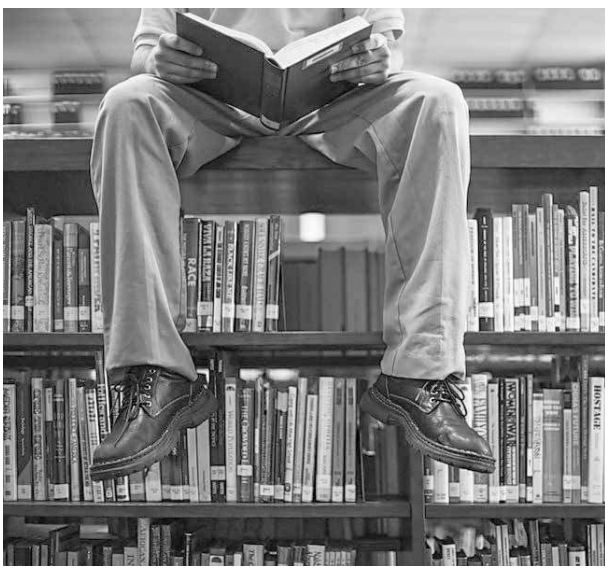
Проказник Гео, человек-критик

В ПОИСКЕ ШИРОКОГО ПОЛОТНА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Проказник Гео уже пытался влезть в литературу под именем Рутко (он же Рудко) — Рутковский (возможно, Рудковский). Совмещает в себе черты, выявленные в литературной традиции советской критикой, а именно Солженицына, Бродского и некоторых безвестных литераторов, одновременно являясь литературным власовцем, литературным трутнем и литературным пигмеем. Пастернака он по-прежнему не читал, но по-прежнему осуждает. Иные признаки биографии практически отсутствуют или слишком туманны. Ясно лишь одно: до берегов Туманного Альбиона Гео уже не доехал, а до Колымского края не доехал пока. На этом пока и остановимся.



Евгений Анатольевич Попов. «Арбайт. Широкое полотно»

Гдов смотрел на сестру Саши З. тогда, теперь вот, получается, уже более тридцати пяти лет назад. Она пришла к нему в его скромную холостяцкую квартиру через месяц после смерти брата. Она была хороша собой, но у нее был крупный, неприятный, пористый красный нос. Поговорив о нелепой судьбе Саши З., больше им говорить было не о чем.

— Вы не боитесь, что я вас изнасилую? — вдруг неловко спросил Гдов после длительного молчания.

— Нет, что вы, — потупилась девица.

Помолчали и разошлись тогда, теперь уже более тридцати пяти лет назад. Получилось — навсегда.

...Примерно 2009 год. Писатель Гдов подошел к зеркалу. Теперь у него нос тоже был пористый и красный.

Гдов разволновался и в этот день уже не мог больше работать.

Рекомендуемые темы для обсуждения главы I

1. Изнывает ли постсоветская российская интеллигенция под игом дикого капитализма или наоборот?

2. Накроется ли медным тазом все в этом совершенно несовершенном мире?

3. Мог ли юный Гдов, беседуя с дамой, употребить глагол «изнасилую»?

4. Случались ли в вашей жизни подобные истории?

5. Сколько еще нужно построить ГЭС на сибирской реке Е. и ее притоках, чтобы окончательно испортить жизнь простым людям, живущим там с незапамятных времен?

Проказник Гео, человек-критик:

Евгений Анатольевич пишет давно. Пишет, словно пашет. Трудно. Читать пропаханное поле текста после его вдохновенной обработки — работа не менее тяжкая, если не сказать — мучительная.

Когнитивный диссонанс поповской прозы произрастает, кажется, из совсем далеких от писателя процессов. Он формируется не в процессе эволюции или деградации, если таковые этапы отмечены в творческой манере Евгения Анатольевича. А как будто по известной поговорке: «Выйдешь в поле, станешь... далеко вокруг видать!»

Тупой, если не сказать — хуже, Гдов ли тому виной, издатели, которые с упорством, достойным лучшего применения, толкают Евгения Анатольевича на топкую стезю отечественной прозы, поросшей болотной ряской, качество алкоголя? Неведомо.

То безвозвратно ушедшее время, которое Евгений Анатольевич вспоминает с ностальгической грустью, сыграло с ним злую шутку. Оно беспощадно запрещало Евгения Анатольевича. И было не право. Надо было разрешить. Правда, результат все равно оказался бы тот же. Печальный, в общем-то, результат. Но, во всяком случае, снобизма и творческой прыти у Евгения Анатольевича было бы поменьше. Глядишь, не написал бы он свой «Арбайт». И все были бы счастливы.

А так ведь — мука. Евгений Анатольевич!

Это — мука, причем блинная, по 15 рублей за килограмм, а не проза!